

3. Губич, М. В. Проблемные аспекты определения сущности и содержания социальной инженерии в контексте обеспечения информационной безопасности / М. В. Губич // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2022. – № 1. – С. 18–23.

4. Ищенко, А. Н. Новая доктрина информационной безопасности Российской Федерации как основа противодействия угрозам безопасности России в информационной сфере / А. Н. Ищенко, А. Н. Прокопенко, А. А. Страхов // Проблемы правоохран. деятельности. – 2017. – № 2. – С. 55–62.

5. Мамаева, Л. Н. Угрозы кибербезопасности в цифровом пространстве / Л. Н. Мамаева, В. В. Бехер // Вестн. Саратов. гос. соц.-экон. ун-та. – 2019. – № 4. – С. 68–70.

6. Парамонов, А. В. Некоторые аспекты обеспечения национальной безопасности в информационной сфере / А. В. Парамонов, В. В. Харин // Актуал. проблемы государства и права. – 2021. – Т. 5, № 17. – С. 161–170.

7. Простосердов, М. А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / М. А. Простосердов ; Рос. гос. ун-т правосудия. – М., 2016. – 232 с.

8. Чеботарева, А. А. Правовое обеспечение информационной безопасности личности в глобальном информационном обществе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.13 / А. А. Чеботарева ; Ин-т государства и права РАН. – М., 2017. – 56 с.

Дата поступления в редакцию: 31.10.2022

УДК 343.9

И. В. Ломоть, кандидат юридических наук, начальник факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
e-mail: lomats_iv@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И МЕСТО ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ПРОИЗВОДСТВА В НЕМ

Анализируются взгляды на проблему юридического процесса. Акцентируется внимание на сильных и слабых сторонах в аргументации самого наличия юридического процесса, круга процессов и процедур, включаемых в него, а также критериев разграничения правовых явлений на материальные и процессуальные. Перечислены признаки оперативно-розыскного производства, позволяющие рассматривать его в качестве составной части юридического процесса. Поддерживается гипотеза о наличии охранительного правоотношения, реализация которого в полной мере способствует формированию объект-субъектных отношений в оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: оперативно-розыскное производство, юридический процесс, правоотношение, охранительное правоотношение

I. V. Lomots, Candidate of Juridical Sciences, Head of the Faculty of Training and Retraining of Managerial Personnel of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
e-mail: lomats_iv@mail.ru

JURIDICAL PROCESS AND THE PLACE OF OPERATIONAL-INVESTIGATIVE PROCEEDINGS IN IT

The article analyzes of views on the problem of the legal process. Strengths and weaknesses are considered in the argumentation of the very existence of the legal process, the range of processes and procedures included in it, as well as the criteria for division of legal phenomena into material and procedural ones. The distinctive features of operational-investigative proceedings are indicated, which allow considering it as an integral part of the juridical process, the hypothesis of the existence of a protective legal relationship is supported, the implementation of which is fully facilitated by object-subject relations in detective activities.

Keywords: operational-investigative proceedings, juridical process, legal relationship, protective legal relationship

Особое место и широкие масштабы применения негласных сил и методов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) на отдельных этапах истории нашего государства привели к формированию мнения о чуть ли не тождественности ее средневековому инквизиционному процессу, закрытому завесой секретности и проникающему во все сферы жизни любого индивида.

На самом деле современная ОРД не отвечает сложившемуся стереотипу и по уровню нормативной регламентации порядка осуществления приближается к уголовному процессу. Современное оперативно-розыскное законодательство как в никакой другой исторической период открыто и, соответственно, прозрачно для существующих механизмов контроля с точки зрения начала проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) в отношении конкретного лица и в отношении соблюдения прав и законных интересов последнего.

По своему содержанию ОРД представляет собой негласное расследование, осуществляемое при наличии оснований путем проведения ОРМ, применения специфических сил, средств и методов должностными лицами оперативных подразделений государственных органов, уполномоченных на ее осуществление. Результаты данной деятельности находят отражение в документах, которые концентрируются в делах оперативного учета. Процедуре заведения, ведения и прекращения указанных дел присущи основные черты юридического процесса, что позволяет говорить о наличии его специфического вида – оперативно-розыскного производства.

В теории ОРД проблема оперативно-розыскного производства была поднята в 1970–1980-х гг. Впервые о нем заговорил А. Ф. Возный, высказав мнение о том, что в ОРД присутствует составляющая, которая представляет собой «своеобразную процессуальную деятельность, специфический оперативно-розыскной процесс» [4, с. 82].

Исследованием различных аспектов оперативно-розыскного процесса занимались многие ученые, среди которых В. Г. Бобров, В. Г. Самойлов, Н. И. Сидоренко, Г. К. Синилов, И. И. Тумаш, В. Ю. Фролов и др.

Вообще в рассматриваемый период допускалось использование понятий «оперативно-розыскной процесс» и «оперативно-розыскное производство» как синонимов, при этом часто их смешивали с понятием «процесс осуществления оперативно-розыскной деятельности» [9, с. 53].

В данном случае отметим также и то, что положение о наличии оперативно-розыскного процесса (либо производства), процессуальной сущности правовых норм, регламентирующих ОРД, либо процессуальной сущности правоотношений, возникающих в ходе ее осуществления, критике подвергнуто не было. С принятием Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативная работа получила завершённый статус государственно-правовой функции и приобрела действенную правовую базу. Закон более остро поставил вопрос о сущности оперативно-розыскного процесса, закрепив правовой статус его участников, переместив центр тяжести в системе способов собирания информации с методов ОРД на ОРМ.

В результате проведенного исследования мы пришли к убеждению, что единственно продуктивным подходом к рассмотрению института оперативно-розыскного производства может быть рассмотрение его в связи с оперативно-розыскным процессом, являющимся, в свою очередь, элементом более широкого явления – юридического процесса. Взаимоотношения названных понятий представляются как отношения части и целого.

Необходимо констатировать, что сегодня целостная концепция правовых процедур, в том числе и такой ее компонент, как общая теория юридического процесса, находится в стадии становления. Имеются отдельные взгляды, теории, объектом анализа которых являются критерии разграничения материальных и процессуальных явлений, точки зрения на соотношение процесса и процедуры, существующие концепции юридического процесса.

В качестве отправной позиции научной дискуссии можно рассматривать представления В. О. Лучина, который, основываясь на трактовке соответствующих терминов толкового словаря, указывал: «„...„Процесс“ практически равнозначен „процедуре“, между ними невозможно провести какую-нибудь разделительную грань» [8, с. 25].

При этом наиболее устоявшимся подходом в литературе является способ отличать материальную норму от процессуальной: первая отвечает на вопрос «что?», а вторая – «как?» [7, с. 41; 14, с. 43].

Однако очевидно, что авторы изложенного подхода исходят только из одного признака процедурных (процессуальных) норм: упорядочивающей роли последних относительно иных норм, которые авторы в этой связи называют материальными. Однако такое соотношение норм можно обнаружить и внутри процессуальной сферы, где реализация одной процедурной нормы упорядочивается другой процедурной нормой, что не делает упорядочиваемую норму не только ма-

териальной, но даже и основной, так как данная норма, в свою очередь, может регламентировать реализацию другой нормы. Что же касается закрепления для субъектов юридических прав и обязанностей как признака норм материального права, то это не является их особенностью, ибо процессуальные нормы также реализуются посредством субъективных прав и обязанностей.

В отличие от рассмотренной теории П. М. Рабиновича можно назвать «релятивной»: по его мнению, материальные и процессуальные нормы и отношения не имеют абсолютных признаков. Одно и то же явление в одном отношении рассматривается как материальное, а в другом – как процессуальное [15, с. 251, 274].

Еще одним подходом, характерным для представителей науки трудового права и права социального обеспечения, является концепция «процесс – это не процедура». Процессуальные, процедурные, материальные есть разные и самостоятельные явления, которые объединяет только их принадлежность к праву.

В частности, В. А. Тарасова считает, что общим для процедуры и процесса является то, что оба они понятия юридические. «Процедура – это только начальная форма урегулированности в деятельности соответствующих органов, которая при наличии объективной необходимости может перерасти в форму, именуемую процессом» [18, с. 112]. Так, различие между процедурой и процессом видится как высшая степень упорядоченности и гарантированности в достижении истины.

На наш взгляд, ошибочно мнение названного выше автора о разграничении между процедурой и процессом, по сути, по количественному признаку, так как «степень урегулированности» означает не что иное, как сугубо количественный подход.

В этой связи интересна позиция С. С. Алексеева о том, что «не всякая урегулированная правом процедура совершения юридических действий может быть признана процессом»; «объединение всех видов юридических процедур под рубрикой „процесс“ приводит к обескровливанию, выхолащиванию этого богатого и содержательного понятия» [1, с. 122–123]; «юридический процесс – это не просто процедура, длящиеся, растянутые во времени юридические отношения, а особая процедура, которая является выражением специфических юридических режимов применения права» [2, с. 237].

В то же время тот же С. С. Алексеев поддержал точку зрения В. А. Тарасовой [2, с. 198]. Аналогичных взглядов придерживались В. С. Аракчеев [3, с. 166–168], В. Н. Скобелкин [16, с. 72–75], В. К. Субботенко [17].

Общим недостатком рассматриваемого подхода необходимо признать, по нашему усмотрению, игнорирование родственной природы процесса и процедуры. Данные явления рассматриваются авторами как самостоятельные, не имеющие общих корней в родовом явлении. Неточность постановки понятий материального, процессуального и процедурного особенно наглядно проявляется в том, что процесс в этой концепции не относится к категории юридических процедур.

На основе такого подхода невозможно раскрыть особенности действия процедурного механизма, поскольку основные нормы и отношения выделены в совокупную группу материальных явлений и, таким образом, в единстве правовой процедурой не рассматриваются.

С 60-х гг. XX в. значительное распространение в теории права и отраслевых юридических науках получило широкое понимание процесса. Согласно представлениям П. Е. Недбайло, В. М. Горшенева, А. И. Кима, В. С. Основина и др., процесс и процедура есть тождественные явления. Юридический процесс представляет собой простую совокупность правоприменительного, правотворческого, учредительного процесса, вводится понятие контрольного процесса. При этом вне поля зрения авторов остается процедура, не связанная с применением права [5, с. 15–16; 6, с. 75–76; 10, с. 22; 11, с. 108].

Очевидной заслугой сторонников широкого подхода к пониманию юридического процесса является то, что они привлекли внимание к проблеме разработки общетеоретических признаков юридической процедуры и процесса, способствовали становлению значительного числа отраслей законодательства. Вместе с тем данная концепция имеет ряд существенных недостатков, которые не оставляют возможности дальнейшего ее развития ни в теории, ни на практике.

В анализируемом подходе процесс отождествляется с юридической процедурой и к нему относят порядок правоприменения в целом – как юрисдикционного, так и позитивного. При этом за пределами процесса оставляются процедурные отношения, не связанные с применением права, но в то же время в него включается правотворческая процедура [19, с. 7–16].

Объединяет процедурно урегулированное применение права и правотворческую процедуру наличие процедурных отношений, принцип осуществления тех или иных норм и правоотношений через систему вспомогательных, служебных отношений. Однако с позиций широкого понимания процесса считается невозможным использовать позитивные свойства правовой процедуры для реализации тех норм и отношений, осуществление которых не связано с применением права. Признание процесса и в данной сфере указывало бы для рассматриваемой концепции на невозможность разграничения материального и процессуального. В целом широкий подход принято критиковать за необоснованное расширение границ процесса, однако при этом упускается из виду необоснованное сужение границ правовой процедуры, так как в нее не включаются процедурные нормы и отношения, не связанные с применением права. И поэтому широкая концепция понимания юридического процесса является таковой относительно реальных границ последнего, а неоправданно узкой является с точки зрения объема процедуры как юридического явления.

Вне поля зрения приверженцев рассматриваемого подхода осталось обстоятельство, что процедура реализации регулятивных норм в непосредственных, обычных формах, без необходимости реализации правоприменения по механизму действия и расположению норм в системе законодательства однотипна с процедурой позитивного применения права и вместе они составляют единую по своей природе правовую процедуру.

Охватить все разновидности процедур приверженцы широкого понимания процесса в свое время пытались путем введения понятий «организационные нормы» и «организационные отношения». Так, В. М. Горшенев писал: «Если организационные отношения, например, строятся на началах субординации и устанавливаются по вертикали, то они приобретают качество процедурно-процессуальных организационных отношений и регулируются процедурно-процессуальными нормами, выделяемыми из отраслей материального права с различной степенью группировки, вплоть до самостоятельных отраслей процессуального права. Если же организационные социальные связи строятся на началах координации и устанавливаются по горизонтали, то они приобретают качество локальных организационных отношений и регулируются локальными организационными нормами, включаемыми в качестве составных частей в соответствующие материальные отрасли права» [5, с. 30–31].

В то же время авторы не дают точного терминологического обозначения тем процедурным (в их варианте – организационным) нормам и отношениям, которые не опосредуют применения права. Отсутствует в их взглядах и аргументация, почему на правоотношения, не связанные с применением права, нельзя распространить правовую процедуру.

Если в них нет процесса, то в соответствии с анализируемой концепцией не должно быть и никакой процедуры. Рассматривая признак локальности этих норм и отношений, очевидно, что они не более локальны, чем процедурные нормы и отношения, связанные с позитивным применением права. Последние также закреплены за своими регулятивными нормами и отношениями, являются условиями их нормальной реализации, не могут быть от них обособлены, в отличие от норм процессуальной процедуры, которые задействуются в регулятивном механизме только в случае возникновения охранительного правоотношения (или предположения о существовании последнего) и действуют в целостном единстве отраслевых норм. «Наличие или отсутствие применения права в содержании процедуры, реализующей материальное регулятивное правоотношение, может лишь служить основанием для разграничения правовой процедуры на виды» [19, с. 92].

Наряду с изложенным следует признать, что обоснование тождества принципиальных характеристик юридического процесса тем правовым явлениям, которые традиционно признаются в юридической науке процессами (прежде всего уголовному и гражданскому), в рассматриваемой концепции строится на более широких основаниях, чем это делается приверженцами «узкого» понимания правового процесса.

В частности, Н. Г. Салищева, которую можно назвать ортодоксальным представителем традиционного подхода, полагает, что процесс – это юрисдикционная процедура, направленная на разрешение споров о праве и осуществление правового принуждения. Особенность данного подхода заключается в том, что он не является общеправовым. Отражает взгляды представителей тради-

ционных процессуальных наук на свои отраслевые процессы: гражданский, уголовный, административный. Наиболее ортодоксальные представители «классических» процессов выступают с резкой критикой самой идеи разработки общетеоретического понятия «юридический процесс».

В их представлении юридический процесс сводится, по сути, к юрисдикционному правоприменению. А такая постановка вопроса приводит к неоправданному зауживанию функций юридического процесса. Задачи процесса не сводятся только к реализации принуждения, но заключаются в устранении любых помех регулируемому действию права посредством реализации охранительных правоотношений.

Еще одним принципиальным подходом к понятию юридического процесса является позиция сторонников теории судебного права, отождествляющих его с судебным судопроизводством. Авторы обоснованно критикуют широкий подход к процессу за необоснованно широкое понимание понятия процессуального права, процессуальной формы, процессуальной деятельности [12, с. 27–31].

В то же время концепцию широкого понимания процесса они отождествляют вообще со всяким исследованием общепроцессуальных закономерностей. Представляется, что в данном случае содержательную часть ранее рассмотренного подхода полагали представляющей опасность для сферы влияния теории судебного права. Однако данные теории имеют разные предметы исследования и должны дополнять друг друга в решении проблемы совершенствования форм правовой защиты.

Относительно непосредственного понимания процесса авторы безосновательно заужают его до судебного процессуального права, отождествляют юридический процесс с судопроизводством. Однако очевидно, что суд не единственный субъект юрисдикции, а природа юридической процедуры не определяется только природой компетентного органа.

Наконец, существует взгляд на процесс как на разновидность юридической процедуры, объем и содержание которой определяется тем, что она служит реализации особого отношения – материального охранительного правоотношения. Другой разновидностью правореализующей процедуры является материальная процедура (служит реализации материального регулятивного правоотношения).

В общем плане существование охранительных правоотношений в системе правового регулирования обосновывается природой права «как специфического регулятора общественных отношений, отличающегося обязательностью предписаний и опирающегося на аппарат принуждения» [14, с. 87]. В этом авторы рассматриваемого подхода видят истоки происхождения, главные причины существования охранительного правоотношения – краеугольного камня процесса, который служебен относительно охранительного правоотношения. Однако процесс представляет собой наглядную деятельность, поддающуюся восприятию органами чувств активность, в объективной реальности которой сложно усомниться, в то время как поведение, которым реализуются охранительные правоотношения, не может быть замечено непосредственно, поскольку оно растворено в юридическом процессе как форме реализации охранительного правоотношения [13, с. 96].

Смысл существования охранительных правоотношений в правовой системе и их целевое назначение авторами рассматриваемого подхода определяются тремя основными моментами:

- их защитными функциями по отношению к социальной структуре;
- обеспечением нормального функционирования правового механизма;

необходимостью поставить государственное принуждение на правовую основу, заключить его в правовые рамки.

Указанные обстоятельства, по нашему мнению, позволяют отождествить свойства и целевое назначение правоотношений в сфере ОРД (по крайней мере в части ее объект-субъектных связей) с охранительными правоотношениями в понимании последнего из освещенных нами подходов, а само оперативно-розыскное производство с одноименной процессуальной процедурой как составной части юридического процесса.

Очевидно, что предпринятый нами экскурс в концептуальные подходы к определению места норм и институтов оперативно-розыскной деятельности в теории юридического процесса не является бесспорным и рассматривается нами в качестве базиса для дальнейшей научной дискуссии.

Список использованных источников

1. Алексеев, С. С. Социальная ценность права в советском обществе / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1971. – 221 с.
2. Алексеев, С. С. Структура советского права / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1975. – 263 с.
3. Аракчеев, В. С. К вопросу о процедурных нормах в трудовом праве / В. С. Аракчеев // Материалы первой конф. молодых ученых Том. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева. – Томск, 1974. – Вып. 1. – С. 166–168.
4. Возный, А. Ф. // Тр. Киев. высш. шк. МВД СССР. – Киев, 1971. – Вып. 2с. – С. 78–86.
5. Горшенев, В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе / В. М. Горшенев. – М. : Юрид. лит., 1972. – 258 с.
6. Ким, А. И. Государственно-процессуальная природа норм, регулирующих организацию выборов в СССР / А. И. Ким // Вопросы государства и права : труды. – Томск, 1968. – Серия «Юридическая». – Т. 199. – С. 75–76.
7. Ким, А. И. Государственно-правовые процессуальные нормы и их особенности / А. И. Ким, В. С. Основин // Правоведение. – 1967. – № 4. – С. 41.
8. Лучин, В. О. Процессуальные нормы в советском государственном праве / В. О. Лучин. – М. : Юрид. лит., 1976. – 166 с.
9. Нагиленко, Б. Я. Проблемы оперативно-поисковой деятельности органов внутренних дел / Б. Я. Нагиленко. – Рязань : РВШ МВД СССР, 1975. – 76 с.
10. Недбайло, П. Е. О юридических гарантиях правильного осуществления советских правовых норм / П. Е. Недбайло // Совет. государство и право. – 1957. – № 6. – С. 22.
11. Основин, В. С. Советские государственно-правовые отношения / В. С. Основин. – Л. : Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова, юрид. фак., 1965. – С. 108.
12. Проблемы судебного права / Н. Н. Полянский [и др.]. – М. : Наука, 1983. – 224 с.
13. Протасов, В. Н. Общая теория процессуального права : учеб. пособие для вузов / В. Н. Протасов. – М. : Юрайт, 2020. – 186 с.
14. Процессуальные нормы и отношения в советском праве: (в «непроцессуальных отраслях») / И. А. Галаган [и др.] ; науч. ред. И. А. Галаган. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 208 с.
15. Рабинович, П. М. Упрочение законности – закономерность социализма (вопросы теории и методологии исследования) / П. М. Рабинович. – Львов : Вища шк., 1975. – 260 с.
16. Скобелкин, В. Н. Процессуальные нормы и правоотношения в советском трудовом праве / В. Н. Скобелкин // Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности. – Ярославль, 1976. – С. 72–75.
17. Субботенко, В. К. Право на пенсию и процедурные правоотношения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / В. К. Субботенко ; Моск. гос. ун-т. – М., 1975. – 17 с.
18. Тарасова, В. А. Процедурная форма деятельности органов социального обеспечения / В. А. Тарасова // Совет. государство и право. – 1973. – № 11. – С. 112–113.
19. Щеглов, В. Н. Охранительные правоотношения и защита гражданских прав / В. Н. Щеглов // Доклады итоговой научной конференции юридических факультетов (дек., 1970 г.). – Томск, 1971. – С. 87.

Дата поступления в редакцию: 30.09.2022

УДК 343.983.22

А. Н. Матлак, заместитель начальника кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
e-mail: gfor85@mail.ru

**ДИАГНОСТИЧЕСКАЯ СУДЕБНАЯ БАЛЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА:
ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДМЕТА И ЗАДАЧ**

Рассматриваются актуальные вопросы диагностической судебной баллистической экспертизы. Проведен анализ существующих подходов к используемой при проведении данного вида судебной экспертизы терминологии, отмечены некоторые присущие ей недостатки. Приведена авторская концепция по формулированию понятия предмета судебной баллистики, предмета диагностической судебной баллистической экспертизы и классификации задач данного направления судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: судебная баллистическая экспертиза, огнестрельное оружие, задача диагностической судебной баллистической экспертизы, криминалистическая диагностика